

УДК 159.9.07

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РАБОТАЮЩЕЙ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Т.Г. Бохан^а, Э.В. Галажинский^а, О.В. Терехина^а,
А.Л. Ульянич^а, С.А. Богомаз^а

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

Определен вклад личностных ресурсов в субъективную оценку качества жизни у представителей социально-демографических групп молодежи (проживающих и работающих в сельском муниципальном образовании и в областном центре) с различной оценкой возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания. Установлено, что такой личностный ресурс, как самоотжественность, может рассматриваться в качестве медиатора, опосредующего влияние оценки возможностей самореализации в средовых условиях на качество жизни городской и сельской молодежи. В то же время определены специфические личностные ресурсы, которые могут являться медиаторами в связи оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания и качества жизни у городской и сельской молодежи.

Ключевые слова: субъективное качество жизни; личностные ресурсы; самоотжественность; личностный потенциал; самореализация; удовлетворенность жизнью; молодежь.

Введение

В связи с тем, что «качество жизни провозглашено общенациональной идеей, способной существенно изменить весь ход развития России в наступившем веке» [1], решение проблемы качества жизни стало ключевой практической задачей для современного развития России и интегральным критерием эффективности, успешности проводимой социально-экономической политики государства [2]. Качество жизни выступает важнейшей зависимой переменной в экономике, здравоохранении, социологии, психологии, теории и практике государственного управления, что указывает на междисциплинарный характер проблемы [3–6]. Современные междисциплинарные подходы к качеству жизни указывают на необходимость интегративной оценки уровня жизни, благосостояния и благополучия [7–10].

Учитывая, что до настоящего времени не предложено собственно интегративного подхода к пониманию и операционализации понятия качества

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни».

жизни, Д.А. Леонтьевым (2020) на основе систематизации имеющихся знаний и теоретического осмысления проблемы была разработана концептуальная рабочая модель качества жизни, интегрирующая объективные, субъективные и субъектные факторы оценки среды [11]. В данной рабочей модели предполагается, что субъективное отношение к жизни может выступить в качестве интегрирующего основания, позволяющего синтезировать определения, заданные различными дисциплинами. Опора на данную модель, основанную на понимании психологических механизмов трансформации объективных условий в субъективные переживания и жизненную ситуацию, позволит сопоставить психологические меры качества жизни и благополучия как комплексных зависимых переменных, характеризующих интегральную оценку жизни, в соотнесении с личностными предикторами. Мы полагаем, что использование научного потенциала междисциплинарной структурной модели качества жизни Д.А. Леонтьева (2020) может послужить основой для реализации эмпирических исследований психологических факторов и механизмов процесса оценки человеком своей жизни в объективных условиях, их роли в трансформации внешних условий в субъективное благополучие и качество жизни человека [11, 12].

Обращение к изучению качества жизни молодежи в его объективных, субъективных и субъектных аспектах определяется тем, что молодежь как социальная группа отличается от других групп населения, с одной стороны, своей активностью, обладанием более актуальными знаниями и навыками, ускоренным процессом адаптации, большей миграционной подвижностью и материальными потребностями, с другой – наличием стоящей перед молодыми людьми задачи самоопределения – разобраться (понять, осознать, осмыслить) в сущности происходящих социально-экономических и политических изменений и самоопределиться, т.е. создать новые жизненные ориентиры, выработать адекватную обстоятельствам стратегию собственной жизнедеятельности [13–15]. В этой связи важным представляется вопрос о том, как молодые люди воспринимают актуальную жизненную ситуацию, как они оценивают и используют возможности окружающей среды для повышения качества своей жизни, как ощущают удовлетворенность жизнью и какими личностными ресурсами располагают для достижения личного счастья. В качестве личностных ресурсов Д.А. Леонтьев и другие исследователи рассматривают в первую очередь структуры личностного потенциала и другие личностные качества, которые влияют на формирование индивидуально своеобразного стиля жизни личности, меру благополучия личности (даже при невыгодной объективной ситуации), обеспечивают успешное осуществление деятельности в относительно неблагоприятных условиях [12, 16]. В связи с этим становится актуальной задача выявления роли личностных ресурсов в опосредствовании связи между социально-демографическими и ситуативными факторами и удовлетворенностью жизнью.

В представленном исследовании мы предполагаем, что определенные психологические характеристики личностного потенциала как личностные

ресурсы работающей молодежи могут опосредовать влияние оценки условий среды для возможностей самореализации на субъективное качество жизни. В то же время мы предполагаем, что личностные ресурсы могут влиять на субъективное благополучие и через средовые условия, когда определенные условия среды могут активизировать личностные ресурсы молодежи для улучшения качества жизни. Возможность существования такой связи рассматривалась как в теоретических работах, так и в эмпирических исследованиях [11, 16]. В качестве личностных ресурсов работающей молодежи изучались следующие характеристики личностного потенциала, представляющие его структурные уровни [17]: базисные убеждения, самоорганизация, самодетерминация, рефлексивность.

Цель исследования – определить роль личностных ресурсов в субъективной оценке качества жизни у представителей социально-демографических групп молодежи (проживающих и работающих в сельском муниципальном образовании и в областном центре) с различным восприятием возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания.

Материалы и методы исследования

Для анализа особенностей субъективного качества жизни использованы Опросник качества жизни и удовлетворенности [18], Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина) [19], Индекс удовлетворенности самореализацией в условиях проживания [20].

Для изучения характеристик личностного потенциала применялись Опросник самоорганизации деятельности (Е.Ю. Мандрикова) [21], Методика дифференциальной диагностики рефлексивности [22], Шкала самодетерминации личности (Б. Шелдон, в адаптации и модификации Е.Н. Осина) [23, 24], Шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман, в адаптации О.А. Кравцовой) [17].

Статистический анализ проводился с помощью методов описательной статистики, сравнительного анализа (однофакторный дисперсионный анализ ANOVA), кластерного анализа (иерархическая кластеризация методом Межгрупповой связи) и регрессионного анализа.

В исследовании приняли участие 280 человек, из которых 140 человек в возрасте от 18 до 36 лет (средний возраст $29,22 \pm 4,33$), проживающие в сельском муниципальном образовании севера Томской области (Сибирский федеральный округ), и 140 человек – жители города Томска в возрасте от 25 до 41 года (средний возраст $29,45 \pm 4,325$). Значимых различий по показателю возраста между группами не выявлено ($p = 0,687$).

Образовательный статус: среди молодежи, проживающей в сельском муниципальном образовании, 40% участников исследования со средним уровнем образования, 48% – со средним специальным, 12% – с высшим. Среди молодежи, проживающей в областном центре, 2% со средним уровнем образования, 7% – со средним специальным и 91% – с высшим образованием.

Результаты исследования

Для определения особенностей субъективной оценки качества жизни в группах молодежи анализировались результаты описательной статистики показателей Опросника качества жизни и удовлетворенности, Шкалы удовлетворенности жизнью и Индекса удовлетворенности самореализацией в условиях проживания. В обеих группах респондентов среднее значение суммарного показателя качества жизни и удовлетворенности жизнью находится в пределах нижнего квартиля, что указывает на некоторую общую неудовлетворенность качеством жизни у многих респондентов. В то же время средние значения показателей удовлетворенности физическим здоровьем, эмоциональными переживаниями и общением находятся в пределах среднего квартиля, что указывает на удовлетворенность данными сферами жизни у многих респондентов. У представителей сельской молодежи средние значения по показателям шкалы удовлетворенности жизнью и активности в свободное время ниже показателя нижнего квартиля, что свидетельствует о неудовлетворенности этими сферами жизни.

Сравнительный анализ с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA позволил выявить статистически значимые различия в средних значениях ($p < 0,05$) следующих переменных: эмоциональные переживания ($F = 5,750$; $p = 0,017$), активность в свободное время ($F = 6,068$; $p = 0,015$), удовлетворенность жизнью ($F = 52,409$; $p = 0,000$) и индекс удовлетворенности ($F = 24,666$; $p = 0,000$). Представители сельской молодежи по сравнению с городскими жителями оказались значимо менее удовлетворенными качеством жизни.

При изучении характеристик личностного потенциала было выявлено, что по всем показателям опросника самоорганизации деятельности средние значения в обеих группах находятся в пределах среднего квартиля, кроме показателей шкалы «Самоорганизация», средние значения которой ближе к нижнему квартилю, и шкалы «Ориентация на настоящее», средние значения которой находятся в пределах верхнего квартиля, у представителей сельской молодежи. С помощью однофакторного дисперсионного анализа были получены значимые различия между группами по показателям самоорганизации ($F = 6,154$; $p = 0,014$) и ориентации на настоящее ($F = 18,451$; $p = 0,000$), что характеризует представителей сельской молодежи по сравнению с городской молодежью как достоверно более сконцентрированных на происходящем с ними в настоящий момент, но реже прибегающих при самоорганизации к помощи внешних средств.

В отношении такого ресурса личностного потенциала, как рефлексивность, полученные результаты свидетельствуют о том, что у многих представителей сельской молодежи чрезмерно выражена квазирефлексия ($F = 40,408$; $p = 0,000$), т.е. их рефлексивные действия часто могут быть направлены на объекты, не имеющие отношения к актуальной жизненной ситуации, на что указывают средние значения, превышающие показатель верхнего квартиля. Средние значения показателей системной рефлексии

и интроспекции в группе сельской молодежи и средние значения всех шкал в группе городской молодежи соответствуют среднему квартилю, что говорит о способности к самодистанцированию и взгляду на себя со стороны, которые позволяют охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта, сосредоточенности на собственном состоянии и переживаниях респондентов обеих групп. При этом сравнительный анализ позволил выявить статистически достоверные различия в показателях квазирефлексии с ее преобладанием у молодежи сельской местности по сравнению с респондентами из городской группы.

По данным описательной статистики показателей базисных убеждений можно отметить, что в обеих группах средние значения по всем шкалам находятся в пределах среднего квартиля. При этом между группами выявлены значимые различия в показателях случайности ($F = 7,044$; $p = 0,009$), ценности собственного «Я» ($F = 5,044$; $p = 0,026$) и степени удачи или везения ($F = 8,196$; $p = 0,005$), указывающие на то, что представители сельской молодежи достоверно более склонны верить в то, что все в мире случайно, и считать себя менее «везучими» и менее лично сильными, чем представители городской молодежи, которые считают себя более удачливыми и более лично уверенными.

При анализе показателей самодетерминации выявлено, что средние значения всех показателей в группе городской молодежи соответствуют среднему квартилю, в группе сельской молодежи средние значения показателей самотождественности и общего индекса самодетерминации находятся в пределах нижнего квартиля, что может указывать на переживание раздвоенности, отчуждение от собственных чувств, зависимость от мнения окружающих и о склонности «пассивно плыть в потоке повседневности» у большинства представителей сельской молодежи. Значимо более выражены показатели самотождественности ($F = 10,013$; $p = 0,002$), самовыражения ($F = 7,395$; $p = 0,007$) и общего индекса самодетерминации ($F = 7,843$; $p = 0,006$) у представителей городской молодежи по сравнению с данными в группе сельской молодежи.

С целью определения особенностей субъективной оценки качества жизни представителей сельской и городской работающей молодежи с различными характеристиками личностного потенциала был использован кластерный анализ (иерархическая кластеризация) методом межгрупповой связи (расстояние Косинус), который на основании выраженности показателей субъективной оценки качества жизни и определенных характеристик личностного потенциала как возможных предикторов качества жизни разделил группу представителей сельской работающей молодежи на две кластерные группы. С помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены следующие значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни (табл. 1).

Результаты сравнительного анализа свидетельствуют, что респонденты кластера 1 значимо более удовлетворены своим физическим самочувствием и здоровьем, эмоциональными переживаниями, активностью в свободное

время и общением в целом; суммарный индекс качества жизни и удовлетворенности ею значимо более высокий в кластерной группе 1.

Таблица 1

Значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни между кластерными группами сельской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник качества жизни и удовлетворенности	Физическое здоровье	16,58 ± 2,23	10,38 ± 3,43	116,74	< 0,00
	Эмоциональные переживания	22,58 ± 2,65	15,50 ± 3,90	114,21	< 0,00
	Активность в свободное время	11,48 ± 1,98	8,31 ± 2,62	47,10	< 0,00
	Общение	21,83 ± 2,65	17,40 ± 4,66	34,88	< 0,00
	Суммарный индекс качества жизни и удовлетворенности	18,11 ± 1,53	12,89 ± 2,52	159,70	< 0,00
Индекс удовлетворенности самореализацией в условиях проживания	Индекс удовлетворенности самореализацией	5,18 ± 1,34	4,16 ± 1,81	10,08	< 0,00

Следует отметить, что в кластере 1 среднее значение суммарного показателя качества жизни и удовлетворенности находится в пределах нижнего квартиля, а в кластере 2 – ниже нижнего квартиля, что указывает на неудовлетворенность качеством жизни у многих респондентов, особенно у респондентов кластера 2. При этом в кластере 1 большинство респондентов удовлетворены своим физическим здоровьем и эмоциональными переживаниями, в меньшей мере они удовлетворены своими возможностями в активности в свободное время и в общении. Показатели удовлетворенности во всех изучаемых сферах жизни в кластере 2 ниже показателя нижнего квартиля, что указывает на неудовлетворенность во всех жизненных сферах.

В данных кластерных группах сельской работающей молодежи с помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены значимые различия по следующим характеристикам личностного потенциала (табл. 2).

У респондентов кластера 1 значимо более выражены такие ресурсы самоорганизации, как наличие целей, настойчивость в их реализации, целеустремленность, возможности поиска средств достижения целей, возможность самоорганизации деятельности. Средние значения данных шкал самоорганизации в обеих группах находятся в рамках средних нормативных показателей. Полученные результаты указывают на то, что респонденты кластера 1 более способны ставить перед собой цели и стремиться к их достижению, проявлять волевые усилия по достижению результатов, преодолевая препятствия, планировать и прибегать к различным средствам для решения поставленных задач. В отношении такого личностного ресурса, как рефлексия, полученные результаты свидетельствуют о том, что у многих респондентов кластера 1 чрезмерно выражена квазирефлексия, т.е. их рефлексивные

действия часто могут быть направлены на объекты, не имеющие отношения к актуальной жизненной ситуации, и связаны с отрывом от актуальной ситуации их бытия. В кластере 2 этот показатель также находится в пределе верхнего квартиля.

Таблица 2

Значимые различия по показателям характеристик личностного потенциала между кластерными группами сельской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник самооорганизации деятельности, Е.Ю. Мандрикова	Наличие целей	36,41 ± 7,79	33,06 ± 7,69	4,63	< 0,01
	Настойчивость	26,80 ± 7,05	22,00 ± 6,47	9,49	< 0,01
	Самоорганизация	7,86 ± 4,54	6,02 ± 4,40	4,19	< 0,05
	Суммарный балл ОСД	122,14 ± 19,77	110,31 ± 17,74	9,77	< 0,01
Методика дифференциальной диагностики рефлексивности, Д.А. Леонтьев	Индекс целеустремленности	31,30 ± 5,79	27,53 ± 5,15	11,67	< 0,01
	Квазирефлексия	40,80 ± 20,62	7,00 ± 14,23	14,85	< 0,01
Методика дифференциальной диагностики рефлексивности, Д.А. Леонтьев	Суммарный индекс рефлексивности	33,41 ± 8,85	29,00 ± 7,47	7,13	< 0,01
	Доброта людей	4,50 ± 2,25	3,74 ± 0,80	4,85	< 0,01
Шкала базисных убеждений, Р. Янов-Бульман	Степень удачи	3,99 ± 1,30	3,28 ± 0,94	17,65	< 0,01
	Самотождественность	16,79 ± 3,33	13,06 ± 3,51	29,65	< 0,01
Шкала самодетерминации личности, Б. Шелдон	Самовыражение	11,02 ± 2,70	9,04 ± 2,63	13,73	< 0,01
	Индекс самодетерминации	15,23 ± 2,71	12,95 ± 2,58	18,62	< 0,01

Респондентов кластера 1 отличает значительно более выраженное базисное убеждение в доброте людей по отношению к ним, в своей удачливости. Большинство респондентов кластера 2 считают себя «невозучими». Такие показатели самодетерминации, как самотождественность, самовыражение и общий индекс самодетерминации, оказались значительно выше у респондентов кластера 1. В кластере 2 показатели аналогичных переменных в пределах или ниже нижнего квартиля. Эти данные могут свидетельствовать о недостаточной осмысленности жизни, ее несоответствии внутренней сути, отчуждении от собственных чувств, неудовлетворенности жизнью у многих респондентов кластера 2. Эти проявления отсутствуют у респондентов кластера 1, многие из которых в средней степени оценивают свою самотождественность, реализацию своих задуманных желаний и жизненных стремлений. Статистические различия получены по показателю «возраст респондентов». Они указывают, что в первую кластерную группу входят значительно более молодые по возрасту респонденты, чем во вторую кластерную группу.

Таким образом, можно отметить, что представители сельской работающей молодежи с более позитивной оценкой качества своей жизни и боль-

шей удовлетворенностью ею более молоды и у них более выражены такие ресурсы личностного потенциала, как возможности самоорганизации (наличие целей, настойчивость, выбор средств) и самодетерминации, более позитивное восприятие отношения других людей к себе и себя как личности, однако их рефлексивные действия часто могут быть связаны с отрывом от актуальной ситуации их бытия.

В выборке городской работающей молодежи был проведен кластерный анализ (иерархическая кластеризация) методом межгрупповой связи (расстояние Косинус) совокупности показателей субъективной оценки качества жизни и характеристик личностного потенциала, который разделил выборку респондентов также на две кластерные группы. С помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены следующие значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни (табл. 3) и характеристикам личностного потенциала (табл. 4) между кластером 1 и кластером 2.

Таблица 3

Значимые различия по показателям субъективной оценки качества жизни между кластерными группами городской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник качества жизни и удовлетворенности	Физическое здоровье	10,87 ± 3,29	15,51 ± 2,44	84,12	< 0,01
	Эмоциональные переживания	18,37 ± 3,24	21,89 ± 2,25	53,06	< 0,01
	Активность в свободное время	9,25 ± 1,88	11,84 ± 1,93	57,09	< 0,01
	Общение	18,08 ± 2,83	21,18 ± 2,41	44,55	< 0,01
	Суммарный индекс качества жизни и удовлетворенности	14,14 ± 1,68	17,61 ± 1,26	177,36	< 0,01

Выявленные значимые различия свидетельствуют, что средние значения всех шкал Опросника качества жизни и удовлетворенности, включая и суммарный индекс качества жизни, выше в кластере 2. Эти средние значения находятся в пределах показателей среднего квартиля. В кластере 1 аналогичные показатели удовлетворенности различными сферами жизни находятся ниже значений нижнего квартиля. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что группа работающей городской молодежи представлена двумя типами респондентов с различным уровнем удовлетворенности сферами и качеством жизни. Большинство респондентов кластера 1 не удовлетворены собственными физическим и эмоциональным функционированием, активностью и общением, в целом – своей жизнью. Большинство респондентов кластера 2 достаточно удовлетворены своим функционированием в основных жизненных сферах и качеством своей жизни.

На основании полученных различий в кластерных группах выделены два типа респондентов, которые отличаются способностями к самооргани-

зации: одни могут достаточно гибко видеть и ставить свои цели, планировать свою деятельность, проявляя настойчивость в их реализации, у другого типа представителей такие способности снижены – для них не совсем определено их будущее, нехарактерно планирование собственной ежедневной активности, они не всегда прилагают волевые усилия и настойчивость для завершения начатых дел.

Таблица 4

Значимые различия по показателям характеристик личностного потенциала между кластерными группами городской работающей молодежи

Методики	Показатели	M ± SD		F	p-value ANOVA
		Кластер 1	Кластер 2		
Опросник самоорганизации деятельности, Е.Ю. Мандрикова	Планирование	17,96 ± 7,04	20,55 ± 7,22	4,06	< 0,05
	Настойчивость	21,04 ± 8,11	24,13 ± 5,93	6,22	< 0,05
	Суммарный балл ОСД	110,67 ± 21,64	119,75 ± 18,03	6,64	< 0,01
	Индекс целеустремленности	27,31 ± 6,61	29,92 ± 5,07	6,37	< 0,01
Методика дифференциальной диагностики рефлексивности, Д.А. Леонтьев	Системная рефлексия	35,42 ± 6,22	38,22 ± 5,75	6,86	< 0,01
	Интроспекция / «самокопание»	24,35 ± 5,36	21,28 ± 5,43	9,98	< 0,01
Шкала базисных убеждений, Р. Янов-Бульман	Контролируемость мира	3,92 ± 0,93	4,46 ± 0,76	4,32	< 0,05
	Ценность собственного «Я»	4,01 ± 0,73	4,83 ± 0,83	11,79	< 0,01
Шкала самодетерминации личности, Б. Шелдон	Самотождественность	15,44 ± 2,68	16,99 ± 2,34	11,96	< 0,01
	Самовыражение	10,19 ± 2,92	11,68 ± 2,43	9,83	< 0,05
	Воспринимаемый выбор	17,06 ± 4,03	18,62 ± 4,06	4,59	< 0,05
	Индекс самодетерминации	14,23 ± 2,56	15,76 ± 2,34	12,25	< 0,01

Значимые различия в показателях системной рефлексии указывают на более выраженную возможность респондентов кластера 2 к самодистанцированию и взгляду на себя со стороны по сравнению с респондентами кластера 1. Средние значения системной рефлексии в этих кластерах указывают на среднюю степень выраженности системной рефлексии у многих респондентов кластера 2, в то время как данный показатель в кластере 1 находится ниже среднего квартиля. Для многих респондентов кластера 1 более характерна интроспекция как сосредоточенность на собственном состоянии, собственных переживаниях. В отношении базисных убеждений значимые различия указывают на большее убеждение в контролируемости мира у многих респондентов кластера 2 по сравнению с респондентами кластера 1, которые более склонны верить в случайность, в то, как повезет. Убеждение в собственной ценности, силе собственной личности значимо более выражено в кластере 2, что может свидетельствовать о более низкой самооценке у респондентов кластера 1. Показатели компонентов самодетерминации, указывающие на возможности осуществления деятельности в отно-

сительной свободе от условий, связанных с биологическими предпосылками, потребностями, характером и другими устойчивыми психологическими структурами, значимо более выражены в кластере 2. В то же время следует отметить, что в кластере 2 показатель самоощущенности более приближен к среднему значению, а в кластере 1 – к нижнему квартилю. Это может говорить об умеренной уверенности у респондентов кластера 2 в том, что их жизнь соответствует их внутренней сути, а у респондентов кластера 1 – о возможности переживания раздвоенности, отчуждения от собственных чувств. Респонденты кластера 2 более уверены в возможности свободы собственного выбора, чем респонденты кластера 1, большинство из которых испытывают неуверенность. Респонденты кластера 2 более склонны ориентироваться на свои внутренние принципы, в то время как у респондентов кластера 1 отмечается тенденция склонности к зависимости от внешнего мнения, склонность к более пассивному образу жизни. Степень удовлетворенности самореализацией оказалась значимо выше в кластере 2.

Далее решалась задача выявления тех личностных ресурсов, которые выступают в качестве опосредующих факторов влияния оценки возможностей самореализации в условиях проживания на субъективное качество жизни работающей сельской и городской молодежи. Проверялись модели связи показателей субъективного качества жизни со всеми шкалами личностного потенциала. В группе городской молодежи обнаружены значимые модели ($p \leq 0,05$) связи между зависимыми переменными (показатели качества жизни) и независимыми переменными (шкалы личностного потенциала), объясненная дисперсия по которым варьирует от 3 до 51% (табл. 5). Наибольший процент объясненной дисперсии и самый высокий коэффициент регрессии выявлены в модели связи Ценности собственного «Я» с Суммарным индексом субъективного качества жизни и Удовлетворенностью эмоциональными переживаниями. Следует отметить, что при одновременном включении в анализ всех шкал личностного потенциала полученная модель являлась незначимой.

Таблица 5

Значимые регрессионные модели связи между показателями качества жизни и шкалами личностного потенциала в группе сельской работающей молодежи

Независимые переменные		Зависимые переменные – показатели КЖ					
		Суммарный индекс	Физическое здоровье	Эмоциональные переживания	Активность в свободное время	Общественное	Удовлетворенность жизнью
Наличие целей	β	0,26*	–	0,31**	–	–	–
	R^2	0,07		0,10			
	F	8,75		13,37			
Настойчивость	β	0,27*	–	0,34**	0,27*	–	–
	R^2	0,07		0,12	0,07		
	F	9,59		16,87	10,05		

Независимые переменные		Зависимые переменные – показатели КЖ					
		Суммарный индекс	Физическое здоровье	Эмоциональные переживания	Активность в свободное время	Общие	Удовлетворенность жизнью
Фиксация	β		-0,23*				
	R ²	–	0,05	–	–	–	–
	F		7,20				
Суммарный балл ОСД	β	0,28**		0,37**			0,27**
	R ²	0,08		0,14	–	–	0,07
	F	10,97		20,18			9,99
Индекс целеустремленности	β	0,30**		0,38**	0,25*		0,23*
	R ²	0,09	–	0,14	0,07	–	0,05
	F	12,38		20,75	8,70		6,75
Индекс рациональности	β			0,23*			
	R ²	–	–	0,05	–	–	–
	F			6,84			
Системная рефлексия	β	0,223*	0,32**				
	R ²	0,05	0,10	–	–	–	–
	F	6,89	13,97				
Интроспекция (самокопание)	β	-0,35**	-0,39**	-0,30**	-0,26*		
	R ²	0,12	0,15	0,09	0,07	–	–
	F	17,70	22,01	12,120	8,84		
Квазирефлексия	β	-0,24*		-0,33**			-0,40**
	R ²	0,06	–	0,11	–	–	0,16
	F	7,64		15,41			23,73
Убежденность в благосклонности мира	β			0,31*			
	R ²	–	–	0,10	–	–	–
	F			4,39			
Доброта людей	β			0,34**			
	R ²	–	–	0,11	–	–	
	F			5,20			
Ценности собственного «Я»	β	0,62**	0,47**	0,71**	0,33*	0,34*	
	R ²	0,39	0,22	0,51	0,11	0,11	–
	F	26,05	11,85	41,99	4,85	5,30	
Степень удачи или везения	β					0,38*	
	R ²	–	–	–	–	0,15	–
	F					7,07	
Самотождественность	β	0,32**	0,18*	0,34**	0,24*		0,43**
	R ²	0,10	0,03	0,12	0,06	–	0,19
	F	14,30	3,98	16,55	7,64		29,07
Самовыражение	β	0,31**		0,41**	0,34**		0,50**
	R ²	0,10	–	0,17	0,12	–	0,25
	F	13,83		25,91	16,74		41,60
Воспринимаемый выбор	β	0,25*		0,29**	0,29**		0,24*
	R ²	0,06	–	0,09	0,09	–	0,06
	F	8,22		11,66	11,76		7,49
Индекс самодетерминации	β	0,35**		0,42**	0,36**		0,46**
	R ²	0,13	–	0,18	0,13	–	0,21
	F	18,01		27,00	18,90		32,70

Примечание. ** p < 0,01, * p ≤ 0,05.

На следующем этапе тестировалась возможность добавления опосредующего показателя в регрессионные модели. В данной группе респондентов с помощью медиаторного анализа обнаружено четыре значимых модели с разным процентом объясненной дисперсии, в которых соблюдались требования наличия значимых связей между независимой переменной и медиатором, а также между медиатором и зависимой переменной в итоговой модели.

Первая модель – самоидентификация является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и суммарным индексом субъективного качества жизни, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,07$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 6,5%. Вторая модель – самоидентификация является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и показателем удовлетворенности жизнью, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,10$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 10,7%. Третья – индекс рациональности является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и удовлетворенностью жизнью, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,07$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 6,5%.

Учитывая существующие данные о том, что и средовые условия могут активизировать личностные ресурсы для достижения изменений в качестве жизни человека и, следовательно, в его субъективной оценке [11], нами была изучена возможность рассматривать удовлетворенность самореализацией в условиях проживания как медиатор, актуализирующий определенные личностные ресурсы у молодежи. В группе городской молодежи выявлено, что удовлетворенность самореализацией в условиях проживания является значимым медиатором в модели связи между Ценностью собственного «Я» и Суммарным индексом КЖ, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент регрессии ($\beta_1 - \beta_2 = 0,24$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 31,4%.

Сравнение этих моделей указывает, что самой сильной медиационной моделью является модель, в которой медиационным фактором выступает удовлетворенность самореализацией в условиях проживания, так как объясненная дисперсия увеличилась более чем на 30% и сократилась связь между предиктором и зависимой переменной в итоговой модели (при добавлении в анализ медиатора).

В группе представителей сельской молодежи также проведен регрессионный анализ (метод – Ввод) для определения связи показателей личностного потенциала и качества жизни. Обнаружены значимые модели ($p \leq 0,05$) связи между зависимыми переменными (показатели качества жизни) и независимыми переменными (шкалы личностного потенциала), объясненная дисперсия по которым варьирует от 6 до 31%. Все показатели личностного потенциала имеют положительные связи с показателями качества жизни (табл. 6).

Наибольший процент объясненной дисперсии и самый высокий коэффициент регрессии у предикторов выявлены в моделях связи Самоидентифицированности с Удовлетворенностью общением и с Суммарным индексом субъективного качества жизни. Однако при одновременном включении в анализ всех шкал личностного потенциала полученная модель являлась незначимой.

Таблица 6

Значимые регрессионные модели связи между показателями качества жизни и шкалами личностного потенциала в группе городской работающей молодежи

Независимые переменные		Зависимые переменные – показатели КЖ					
		Суммарный индекс	Физическое здоровье	Эмоциональные переживания	Активность в свободное время	Общение	Удовлетворенность жизнью
Настойчивость	β	0,34*	0,39**	0,28*	–	0,29*	–
	R^2	0,12	0,15	0,08		0,08	
	F	8,92	12,35	5,80		6,08	
Самоорганизация	β	–	–	–	–	0,25*	–
	R^2					0,06	
	F					4,38	
Суммарный балл ОСД	β	0,24*	–	–	–	0,24*	–
	R^2	0,06				0,06	
	F	3,97				4,01	
Индекс целеустремленности	β	0,33*	0,35*	0,31*	–	0,28*	–
	R^2	0,11	0,12	0,10		0,08	
	F	8,42	9,28	7,39		5,59	
Квазирефлексия	β	–	–	–	–	0,30*	–
	R^2					0,09	
	F					6,66	
Убежденность в благосклонности мира	β	0,26*	–	–	–	0,33*	–
	R^2	0,07				0,11	
	F	4,89				8,59	
Доброта людей	β	0,25*	0,27*	0,27*	–	0,29*	0,25*
	R^2	0,06	0,07	0,07		0,08	0,06
	F	4,49	5,26	5,52		6,25	4,39
Ценности собственного «Я»	β	0,27*	–	0,33*	0,25*	–	–
	R^2	0,07		0,11	0,06		
	F	5,24		8,40	4,53		
Степень удачи или везения	β	0,30*	0,26*	0,26*	–	0,31*	–
	R^2	0,09	0,07	0,07		0,09	
	F	6,84	5,16	4,81		7,06	
Самоидентифицированность	β	0,55**	0,36*	0,49**	0,34*	0,56**	0,24*
	R^2	0,31	0,13	0,24	0,11	0,31	0,06
	F	30,32	10,52	21,75	8,86	30,78	4,13
Самовыражение	β	0,38**	–	0,46**	–	0,39**	0,27*
	R^2	0,14		0,21		0,16	0,08
	F	11,50		18,17		12,63	5,59
Индекс самодетерминации	β	0,45**	0,25*	0,45**	0,25*	0,46**	–
	R^2	0,21	0,07	0,20	0,07	0,21	
	F	17,78	4,77	17,21	4,77	18,42	

Примечание. ** $p < 0,01$, * $p \leq 0,05$.

На следующем этапе тестировалось возможность добавления опосредующего показателя в регрессионные модели. В данной группе респондентов с помощью медиаторного анализа обнаружено две значимых модели с разным процентом объясненной дисперсии, в которых соблюдались требования наличия значимых связей между независимой переменной и медиатором, а также между медиатором и зависимой переменной в итоговой модели. Первая модель – самоотжественность является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и удовлетворенностью физическим здоровьем, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,05$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 10,4%. Вторая модель – степень удачи или везения является значимым медиатором в модели связи между удовлетворенностью самореализацией в условиях проживания и удовлетворенностью физическим здоровьем, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент β ($\beta_1 - \beta_2 = 0,01$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 6,2%.

В группе сельской молодежи также изучалась возможность рассмотрения удовлетворенности самореализацией в условиях проживания в качестве медиаторного фактора. В результате выявлено две значимых модели. Первая – удовлетворенность самореализацией в условиях проживания является значимым медиатором в модели связи между самовыражением и суммарным индексом качества жизни, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент регрессии ($\beta_1 - \beta_2 = 0,04$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 4,0%. Вторая модель – удовлетворенность самореализацией в условиях проживания является значимым медиатором в модели связи между самоотжественностью и суммарным индексом качества жизни, который при добавлении в итоговую модель сокращает коэффициент регрессии ($\beta_1 - \beta_2 = 0,03$) и увеличивает процент объясненной дисперсии на 3,6 %.

Обсуждение результатов исследования

Выявлена некоторая общая неудовлетворенность качеством жизни у многих представителей городской и сельской работающей молодежи. Исключение составляют такие сферы, как физическое здоровье и эмоциональные переживания, которые в целом удовлетворяют представителей обеих групп, что, вероятно, связано с возрастными особенностями молодежи. Многие представители группы сельской молодежи имеют низкую оценку своих возможностей в активности в свободное время и соответствия жизненных обстоятельств собственным ожиданиям. Представители сельской молодежи по сравнению с городскими жителями значимо менее удовлетворены жизнью в целом, эмоциональными переживаниями, активностью в свободное время, возможностями самореализации в актуальных средовых условиях проживания. Эти данные, вероятно, могут указывать как на дефициты актуальных средовых условий проживания, связанные

с культурным, спортивным и прочими видами досуга молодежи, возможностями самореализации, так и на дефициты личностных ресурсов, блокирующих выбор жизненных целей и их реализацию.

Данные, полученные в отношении личностных ресурсов, свидетельствуют, что они более выражены в группе городской работающей молодежи. К таковым можно отнести способности к самоорганизации, рефлексии, личностную уверенность, ответственность за происходящее в жизни, возможность реализации задуманных желаний и ориентацию на свои внутренние принципы. В группе сельской молодежи средние значения показателей личностных ресурсов и их сравнение с данными в группе городской молодежи свидетельствуют о дефицитах личностного потенциала, проявляющихся у многих представителей сельской группы: в стремлении жить, ориентируясь больше на настоящее, без учета прошлого опыта и планирования своего будущего; трудностях в гибком поиске, выборе и использовании средств для достижения целей; склонности уходить от актуальной ситуации бытия в мире, в свои фантазии и мечты; дефиците личностной уверенности и ценности собственного Я, склонности верить в случайность событий и дефиците собственной ответственности за то, что происходит с ними в жизни; склонности к отчуждению от собственных чувств, зависимости от мнения окружающих, тенденции «пассивно плыть в потоке повседневности». В то же время можно выделить такие личностные ресурсы, которые могут быть активизированы в жизненные стратегии и конкретные действия, позволяющие улучшить качество жизни сельской молодежи. К ним относятся базовые убеждения в благосклонности мира, доброте людей, контролируемости мира и возможности собственного самоконтроля, способность к системной рефлексии и самоорганизации деятельности.

Результаты кластерного анализа косвенно подтверждают существование определенных личностных ресурсов у респондентов, значимо более удовлетворенных качеством жизни. В обеих группах молодежи выделилось два типа представителей, отличающихся степенью удовлетворенности качеством жизни в определенных сферах. В группе сельской молодежи выявилось также и отличие в оценке возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания. Кластерные группы городской молодежи оказались однородными по показателю удовлетворенности самореализацией в актуальных средовых условиях проживания. Общими личностными ресурсами у респондентов обеих групп с более высокой оценкой качества жизни являются способность к осознанному планированию и самостоятельному выдвижению целей, настойчивость и волевые усилия по их реализации, гибкость и конструктивность рефлексии, вера в себя и собственные возможности по изменению среды, склонность ориентироваться на свои внутренние принципы. У сельской молодежи к таким качествам относится также убеждение в доброте людей.

Для определения вклада личностных ресурсов в связь оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания с субъективным качеством жизни использован медиаторный анализ, на ос-

нове которого строились целостные модели связей между несколькими группами показателей. С помощью множественного регрессионного анализа определен вклад интегральных показателей личностных ресурсов в показатели психологического благополучия социально-демографических групп молодежи, а также эффекты взаимодействия личностных ресурсов с показателями оценки возможности самореализации в условиях проживания. В результате были получены достоверные данные о возможности рассматривать самоощущенность и рациональность в качестве медиаторов, опосредующих влияние оценки возможностей самореализации в условиях проживания на субъективное качество жизни у городской работающей молодежи. В группе сельской молодежи такие личностные ресурсы, как самоощущенность и уверенность в своей удаче, выступают в качестве значимых медиаторов между оценкой возможностей самореализации в условиях проживания и удовлетворенностью своим физическим здоровьем.

Таким образом, можно предположить, что способность выстраивать свою жизнь в соответствии со своей сутью, осознанно определять свою жизнь может являться важным фактором, который независимо от средовых условий способен оказывать положительное влияние на интегральную субъективную оценку качества жизни как городской, так и сельской молодежи. В многочисленных работах идентичность как переживание самоощущенности рассматривается как условие устойчивости человека в меняющемся мире, что может отражаться в удовлетворенности качеством жизни [25, 26]. Говоря о значимости самоощущенности для развития человека как условия его устойчивости, Э. Эриксон отмечает: «Проявляющаяся внутренняя цельность в форме ощущения самоощущенности “Я” – это сумма опыта, приобретенного на всех предшествующих стадиях, когда успешное отождествление приводило к успешному уравниванию базисных потребностей индивидуума с его возможностями и талантами. Таким образом, ощущение самоощущенности Я представляет собой возросшую уверенность индивида в том, что его способность сохранять внутреннюю тождественность и цельность (психологическое значение “Я”) согласуется с оценкой его тождественности и цельности, даваемой другими людьми» [27]. Здесь важно заметить, что у сельской молодежи это влияние значимо распространяется только на удовлетворенность физическим здоровьем. В то же время выделились значимые медиаторы, специфичные для каждой группы молодежи, которые преломляют влияние средовых условий на субъективное качество жизни. Так, в группе городской работающей молодежи таковым оказался индекс рациональности, отражающий склонность человека рационально относиться к собственной деятельности, планируя ее, концентрируясь на ней, «обставляя» ее различными вспомогательными средствами, в группе сельской молодежи – вера в себя, в собственную удачливость. При этом было установлено, что сама оценка возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания может выступать значимым медиатором, активизирующим определенные личностные ресурсы для конкретных действий по улучшению качества

жизни, что находит свое отражение в субъективном благополучии молодежи. В качестве таких личностных ресурсов у городской молодежи оказалась ценность собственного «Я», у представителей сельской молодежи – самоидентичность. Эти личностные ресурсы исследователи относят к фундаментальным образованиям личности, которые определяют «целостный и наиболее характерный для конкретной личности тип взаимодействия с окружающим миром. Он обуславливает мировоззрение человека в целом, восприятие и понимание глобальных проблем собственного бытия в мире, выбор в пользу “Я” и “не Я” в разных ситуациях жизни» [25], с ними связывают психологическое благополучие, продуктивные стратегии совладающего поведения, процесс саморазвития человека [26, 27].

Выводы

1. Выявлена некоторая общая неудовлетворенность качеством жизни, за исключением сфер физического здоровья и эмоциональных переживаний, у многих представителей работающей городской и сельской молодежи, при этом сельская молодежь значимо менее удовлетворена качеством своей жизни.

2. Личностные ресурсы более выражены в группе городской работающей молодежи; у многих представителей сельской молодежи отмечаются дефициты личностных ресурсов.

3. Подтвердилась гипотеза о том, что личностные ресурсы могут выступать предикторами субъективного качества жизни у работающей городской и сельской молодежи.

4. Выявлено, что такой личностный ресурс, как самоидентичность, может рассматриваться в качестве медиатора, опосредующего влияние оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания на субъективное качество жизни городской и сельской молодежи. В то же время определены специфические личностные ресурсы, которые могут являться медиаторами в связи оценки возможностей самореализации в актуальных средовых условиях проживания и субъективного качества жизни у городской и сельской молодежи.

Получены данные о медиаторном характере самооценки возможностей самореализации, актуализирующей специфичные, но общие по своему фундаментальному значению для личности, ресурсы у работающей городской и сельской молодежи, которые связаны с субъективным благополучием.

Литература

1. Митюрникова Л.А., Кораблев А.А. Качество трудовой жизни – основной механизм регулирования социально-экономического развития и преобразований в экономике // Вестник Московской международной академии. 2018. № 2. С. 92–97.
2. Ибрагимова П.И., Дадаева Б.Ш. Качество жизни населения как основной показатель социально-экономического развития страны // Современные тенденции в образовании и науке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 31 октября 2013 г.) : в 26 ч. Тамбов : Юком, 2013. С. 74–76.

3. Захарова А.Н. Междисциплинарная проблема качества жизни в контексте современных научных исследований // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2014. № 10. С. 141–160.
4. Рубанова Е.Ю. Субъективное качество жизни: подходы к изучению // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2018. Т. 9, № 1. С. 506–511.
5. Нетребко Е.Н. Реализация стратегии национальной безопасности: повышение качества жизни населения (объективные и субъективные показатели) // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2018. № 6. С. 791–797.
6. Busseri M.A., Sadava S.W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis // Personality and Social Psychology Review. 2011. Vol. 15, is. 3. P. 290–314. DOI: 10.1177/1088868310391271.
7. Camfield L., Skevington S.M. On subjective well-being and quality of life // Journal of Health Psychology. 2008. Vol. 13, is. 6. P. 764–775. DOI: 10.1177/1359105308093860.
8. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: a general overview // South African Journal of Psychology. 2009. Vol. 39. P. 391–406.
9. Cappellen P.V., Toth-Gauthier M., Saroglou V., Fredrickson B. L. Religion and well-being: the mediating role of positive emotions // Journal of Happiness Studies. 2016. Vol. 17, is. 2. P. 485–505. DOI: 10.1007/s10902-014-9605-5.
10. O'Connor B.P., Crawford M.R., Holder M.D. An item response theory analysis of the subjective happiness scale // Social Indicators Research. 2015. Vol. 124, is. 1. P. 249–258. DOI: 10.1007/s11205-014-0773-9.
11. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02.
12. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 4 (62). С. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3.
13. Таймасханова А.К., Дадаева Б.Ш. Качество жизни молодежи России на современном этапе // Научный альманах. 2015. № 12-1 (14). С. 350–356. DOI: 10.17117/na.2015.12.01.350.
14. Ерлыгина Е.Г. Влияние показателей качества жизни молодежи на уровень развития регионов России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 462.
15. Карасик Е.А., Холиков А.Л. Качество жизни молодежи: вопросы бедности // Экономические науки. 2013. № 108. С. 30–34.
16. Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 323–346. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346.
17. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
18. Рассказова Е.И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 81–90.
19. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
20. Муравьева О.И., Литвина С.А., Кружкова О.В., Богомаз С.А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 1. С. 63–80. DOI: 10.15293/2226-3365.1701.05.
21. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
22. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.

23. Sheldon K.M. Creativity and self-determination in personality // *Creativity Research Journal*. 1995. Vol. 8. P. 25–36.
24. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М. : Смысл, 2008. С. 64–71.
25. Алишев Б.С. Изменения в структуре ценностей студенческой молодежи в начале XXI века // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2016. Т. 158, № 4. С. 929–940.
26. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 333–336.
27. Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Идентичность как самоощущенность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 1 // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология*. 2014. Т. 7, № 4. С. 13–18.

*Поступила в редакцию 15.05.2020 г.; повторно 26.08.2020 г.;
принята 04.09.2020 г.*

Бохан Татьяна Геннадьевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: btg960@mail.ru

Галажинский Эдуард Владимирович – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, ректор Томского государственного университета.

E-mail: gala@mail.tsu.ru

Терехина Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: doterekhin@mail.ru

Ульянич Анна Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: FiALe@yandex.ru

Богомаз Сергей Александрович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры организационной психологии Томского государственного университета.

E-mail: bogomazsa@mail.ru

For citation: Bokhan, T.G., Galazhinsky, E.D., Terekhina, O.V., Ul'yanich, A.L., Bogomaz, S.A. Personal Determinants of the Subjective Quality of Life among Working Rural and Urban Youth. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 68–89. doi: 10.17223/17267080/77/4. In Russian. English Summary

Personal Determinants of the Subjective Quality of Life among Working Rural and Urban Youth

T.G. Bokhan^a, E.D. Galazhinsky^a, O.V. Terekhina^a, A.L. Ul'yanich^a, S.A. Bogomaz^a

^a*Tomsk State University, 36 Lenin Str., Tomsk, 634050, Russian Federation*

Abstract

At present, to solve the problem of the life quality of the population has become an integral criterion for evaluating the effectiveness and success of the state's socio-economic policy. The appeal to the study of the quality of life among young people in its objective, subjective

and person's aspects is determined by the fact that youth as a social group differs from other groups of the population. It is more active, has relevant knowledge and skills, an accelerated adaptation process, greater migration mobility and material needs. It faces the task of self-determination in socio-economic and political changes and the choice of life orientations.

The aim is to determine the contribution of personal resources to the subjective assessment of the quality of life among representatives of socio-demographic youth groups with different perceptions of self-realization opportunities in living conditions. The research is based on the newly developed conceptual working model of the quality of life by D.A. Leoniev (2020), which integrates objective, subjective and person's factors of environmental assessment.

The methods used are: the questionnaire «Quality of life and satisfaction», «Life satisfaction» scale, «Self-realization satisfaction index in living conditions», questionnaire «Self-organization activity», questionnaire «Differential diagnosis of reflexivity», «Self-determination of personality and basic beliefs» scale. Sample is 280 people aged 18 to 40 years, including 140 people living in the rural municipality of the North of the Tomsk region (Siberian region), and 140 residents of the city of Tomsk.

As a result, we have found out that there is some general dissatisfaction with the quality of life, but the representatives of rural youth are less satisfied with the quality of their lives than the representatives of urban working youth. Personal resources are significantly more pronounced in the urban working youth group; many representatives of rural youth have deficits in personal resources. It is revealed that such a personal resource as self-identity can mediate the impact of assessing the opportunities for self-realization in environmental conditions on the quality of life among urban and rural youth. At the same time, we have identified specific personal resources that can serve as mediators in assessing opportunities for self-realization in living conditions and the quality of life among urban and rural youth. However, a small percentage of variance indicates the need to refine the results and include new personal resources in the search for mediators of this relationship. The data revealed in both groups on the mediation nature of assessing the possibility of self-realization in living conditions indicate the importance of creating conditions for self-realization for young people, both in urban and rural living environments.

Keywords: subjective quality of life; personal resources; self-identity; personal potential; self-realization; life satisfaction; youth.

References

1. Mityurnikova, L.A. & Korablev, A.A. (2018) Quality of working life is the main mechanism of regulation of the socio-economic development and transformation of the economy. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 2. pp. 92–97. (In Russian).
2. Ibragimova, P.I. & Dadaeva, B.Sh. (2013) [The quality of life of the population as the main indicator of the socio-economic development of the country]. *Sovremennyye tendentsii v obrazovanii i nauke* [Modern Trends in Education and Science]. Proc. of the International Conference. Tambov. October 31, 2013. Tambov: Yukom. pp. 74–76. (In Russian).
3. Zakharova, A.N. (2014) Quality of life as interdisciplinary problem in context of current research. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii* – The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology. 10. pp. 141–160. (In Russian).
4. Rubanova, E.Yu. (2018) Subjective quality of life: approaches to studying. *Uchenyye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9(1). pp. 506–511. (In Russian).
5. Netrebko, E.N. (2018) Realizatsiya strategii natsional'noy bezopasnosti: povyshenie kachestva zhizni naseleniya (ob"ektivnyye i sub"ektivnyye pokazateli) [The implementation of the national security strategy: improving the quality of life (objective and subjective indicators)]. *Nauchnyye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* – Scientific Works of the Kuban State Technological University. 6. pp. 791–797.

6. Busseri, M.A. & Sadava, S.W. (2011) A review of the tripartite structure of subjective well-being: implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and Social Psychology Review*. 15(3). pp. 290–314. DOI: 10.1177/1088868310391271
7. Camfield, L. & Skevington, S.M. (2008) On subjective well-being and quality of life. *Journal of Health Psychology*. 13(6). pp. 764–775. DOI: 10.1177/1359105308093860
8. Diener, E. & Ryan, K. (2009) Subjective well-being: a general overview. *South African Journal of Psychology*. 39. pp. 391–406.
9. Cappellen, P.V., Toth-Gauthier, M., Saroglou, V. & Fredrickson, B.L. (2016) Religion and well-being: the mediating role of positive emotions. *Journal of Happiness Studies*. 17(2). pp. 485–505. DOI: 10.1007/s10902-014-9605-5
10. O'Connor, B.P., Crawford, M.R. & Holder, M.D. (2015) An item response theory analysis of the subjective happiness scale. *Social Indicators Research*. 124(1). pp. 249–258. DOI: 10.1007/s11205-014-0773-9
11. Leontiev, D.A. (2020) Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1(155). pp. 14–37. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02
12. Leontiev, D.A. (2016) Autoregulation, Resources, and Personality Potential. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 4(62). pp. 18–37. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/62/3.
13. Taymaskhanova, A.K. & Dadaeva, B.Sh. (2015) Quality of life of youth of Russia at the present stage. *Nauchnyy al'manakh – Science Almanac*. 12-1(14). pp. 350–356. (In Russian). DOI: 10.17117/na.2015.12.01.350.
14. Erlygina, E.G. (2015) The influence of the quality of life of youth on the level of development of regions of Russia. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 2-2. pp. 462. (In Russian).
15. Karasik, E.A. & Kholikov, A.L. (2013) The quality of life of young people: questions of poverty. *Ekonomicheskie nauki – Economic sciences*. 11(108). pp. 30–34. (In Russian).
16. Ivanova, T.Yu., Leontiev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2016) Functions of Personality Resources in a Situation of Economic Crisis. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 13(2). pp. 323–346. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346
17. Leontiev, D.A. (ed.) (2011) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl.
18. Rasskazova, E.I. (2012) Evaluation of Quality of Life Enjoyment and Satisfaction: Psychometric Properties of a Russian-language Measure. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 9(4). pp. 81–90. (In Russian).
19. Osin, E.N. & Leontiev, D.A. (2020) Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1(155). pp. 117–142. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
20. Muravieva, O.I., Litvina, S.A., Kruzhkova, O.V. & Bogomaz, S.A. (2017) Russian young city-dwellers: structural features of urban identity. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(1). pp. 63–80. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1701.05
21. Mandrikova, E.Yu. (2010) Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatelnosti (OSD) [Development of the questionnaire of activity self-organization (OSD)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2. pp. 87–111.
22. Leontiev, D.A. & Osin, E.N. (2014) “Good” And “Bad” Reflection: From An Explanatory Model To Differential Assessment. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki –*

- Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 11(4). pp. 110–135. (In Russian).
23. Sheldon, K.M. (1995) Creativity and self-determination in personality. *Creativity Research Journal*. 8. pp. 25–36. DOI: 10.1207/s15326934crj0801_3
 24. Soldatova, G.U. & Shaygerova, L.A. (eds) (2008) *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of personality's tolerance]. Moscow: Smysl. pp. 64–71.
 25. Alishiev, B.S. (2016) Changes in the structure of values of the student youth in the early 21st century. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 158(4). pp. 929–940. (In Russian).
 26. Klochko, V.E. & Lukyanov, O.V. (2009) Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 333–336. (In Russian).
 27. Rasskazova, E.I., Tkhostov, A.Sh. & Emelin, V.A. (2014) Identichnost' kak samotozhdestvennost': individual'nye variatsii tsennosti zavershennosti, razvitiya i sotsial'nogo priznaniya identichnosti. Soobshchenie 1 [Identity as self-identity: individual variations of the value of completeness, development and social recognition of identity. Part 1]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya*. 7(4). pp. 13–18.

Received 15.05.2020; Revised 26.08.2020;
Accepted 04.09.2020

Tatiana G. Bokhan – Head of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: btg960@mail.ru

Eduard V. Galazhinsky – Rector, Tomsk State University. Academician of RAE. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: gala@mail.tsu.ru

Olga V. Terekhina – Associate Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: doterekhina@mail.ru

Anna L. Ul'yanich – Associate Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: FiALe@yandex.ru

Sergey A. Bogomaz – Professor of the Department of Organizational psychology, Tomsk State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: bogomazsa@mail.ru